

Брависсимо, Арлекин!

“Слуга двух господ”.
Спектакль Джорджо Стрелера

Культура.-2001.-
26 апр.-2 мая.-с.7

Театр

Пьеса Гольдони идет три с лишним часа, без перевода. Опасения, что, даже зная сюжет, будешь в затруднении, не улавливая прелести диалогов, исчезают с первых минут. Публика принимает спектакль так, что вспоминаешь читанное о премьерах миланского Ла Скала. В театре Стрелера “Пикколо Театро ди Милано”, наверное, такие же зрительские реакции. Но у нас! Несется со сцены бешеной тарантеллой итальянская речь. Играют классическую комедию масок. Лица открыты только у молодых влюбленных, остальные – в масках. У Доктора Ломбарди (Томмасо Миннити) огромный толстый живот ходит ходуном. У Панталоне (Джорджо Бонджованни) из-под маски кинжалом торчит борода. Бригелла (Рикардо Мажерини) одной и той же салфеткой вытирает башмаки и сморкает нос. Актеры пицчат, рычат, распевают бельканто, прыгают, кувыркаются, раздают тумаки. Театр представления, откровенного и наивного, – кажется, так играли в Италии и триста, и четырехста лет назад. Так хохотала и аплодировала публика времен Гольдони – она хорошо знала правила игры. Наверное, и нынешние итальянцы их знают. Но наши-то? Взащенные на “жизни человеческого духа”? Наше сценическое искусство – мальчишка по сравнению с итальянским, мы – младше, значительно младше.

Фокус – в магии исконного театра. Того, где артист совсем не похож на себя самого, где все мы, по обе стороны рампы, превращаемся в детей, играем в ситуации “понарошку”, и, оказывается, в этом больше правды, чем во всем остальном. Вдоль рампы ковыляет старый суфлер, зажигает свечи, объявляет картины. Этот театральный Агасфер давно страдает ишиасом, знает наизусть пьесу, знает в лицо всю публику мира. Одна свечка не зажигается, и он ворчит вполне по-русски: “Не работает”. Когда ссора с Панталоне так распалила Ломбарди, что тот понес отсезяину, суфлер в сердцах сует ему растрепанный экземпляр пьесы. Малый театр дрожит от хохота – все понятно, хотя зал не знает итальянского.

Сцена из спектакля

Сцена, где Арлекин одновременно обслуживает двух своих господ. Из-за ширм летят блюда, Арлекин ловит одно, несется в левую кулису, на обратном пути подхватывает другое, бежит в правую. Руки скрепляются, еду ловят и ноги, и “загривок”. Попадается большое желе на тарелке, оно трясется, и дрожь охватывает Арлекина, и его “двусмысленное” положение обретает поистине философские пластические очертания. А как плывет над ширмой ваза с виноградом, и чья-то вороватая рука отщипывает ягоду! А как из всех углов предательски торчат носы, шляпы, животы –

подслушивают, крадутся, попадают впросак. Простодушный и лукавый театр, театр откровенного представления – как это, оказывается, человечно, как обезоруживающе душевно и близко сердцу... Магия Стрелера и его художника Эззио Фрижеро, с которым режиссер проработал почти всю свою жизнь. Теплый белый цвет задника, минимум аксессуаров. Белое пространство, свечи в золотых канделябрах, беж, бордо, терракота одежд и свет, волшебный свет, фиксирующий бессмертные театральные силуэты, будто сошедшие со старых гобеленов. Театр XX –

XXI столетия любит вечным Театром, где превращаются и дурачат, где стучат палкой об пол, объявляя “акто примо”, “акто секондо”, и никогда это не надоеет, никогда не обманет ожиданий, пока играют так, как в “Пикколо Театро ди Милано”.

...Персонажей настигает гроза. Гаснет свет, вечные силуэты “комедии дель арте” бродят по сцене и зовут своего Арлекина.

Артист Ферруччио Солери выходит на уже освещенную сцену и срывает маску. Он – сэдой! Он уже разменял восьмой десяток! Он, Солери, который только что три

часа кувырчался, ходил на руках, прыгал, жонглировал! Первый раз он вышел на сцену в этой роли в 1963 году. К 50-летию театра “Пикколо” в 1997 году Стрелер заново ставит спектакль. Это – последняя его постановка. Стрелер ушел из жизни в XX веке, оставшись в нем едва ли не самым великим театральным именем. А его “Арлекин” так блистательно живет в XXI. 70-летний Солери ежевечерне совершает чудо. Bravo, Арлекин!

Наталья КАМИНСКАЯ